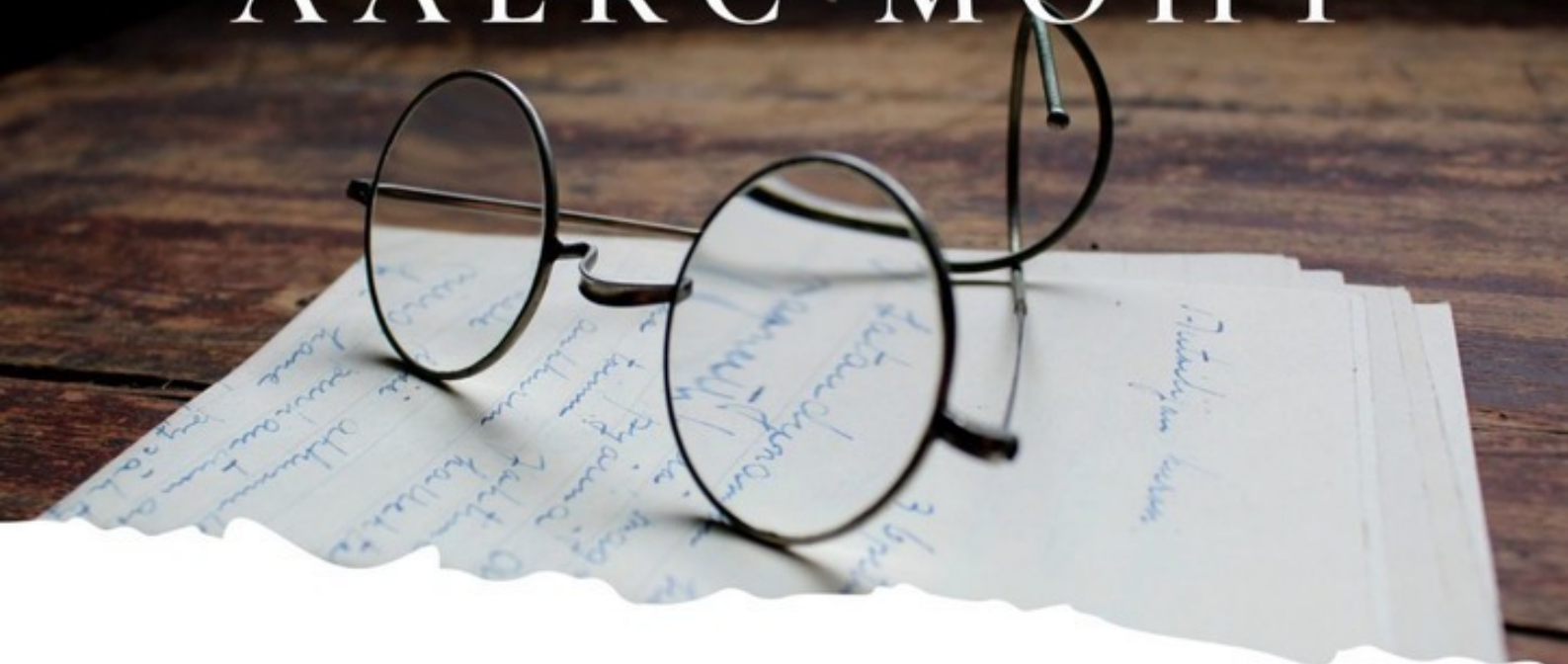

АЛЕКС МОНТ

ПРОПАЖА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

НОВЫЙ
РУССКИЙ ДЕТЕКТИВ
ОТ АНТОНА ЧИЖА

Rideró

Алекс Монт

**Пропажа государственной
важности. Исторический детектив**

«Издательские решения»

Монт А.

Пропажа государственной важности. Исторический детектив /
А. Монт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535070-1

Май 1867 года. Из кабинета вице-канцлера Российской империи князя Горчакова пропадает секретный пакет. Если в ближайшее время текст договора о продаже Аляски не будет найден, разразится международный скандал, а сам князь, как человек чести, будет вынужден подать в отставку. За дело берется старший следователь Окружного суда коллежский асессор Чаров. В ходе расследования он выявляет преступные связи сотрудников МИДа с резидентом английской разведки, готовым на всё, чтобы замести следы... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-535070-1

© Монт А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Прием в министерстве	6
Глава 2. Деликатное поручение	13
Глава 3. Пропажа государственной важности	17
Глава 4. Предложение Ротшильда	20
Глава 5. Информатор Герцена	22
Глава 6. Слуга двух господ	25
Глава 7. Убийство столяра	29
Глава 8. Зондаж Палицына	33
Глава 9. Дядюшкины советы	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пропажа государственной важности Исторический детектив

Алекс Монт

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

© Алекс Монт, 2021

ISBN 978-5-0053-5070-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Прием в министерстве

В кабинете вице-канцлера царил полумрак. Лепные бра освещали комнату робким матовым светом, а сияние массивной бронзовой лампы на письменном столе выхватывало из колеблющегося сумрака гладкое пухлое лицо князя. Круглые стекла золоченых очков, за которыми блеснул ироничный взгляд серо-голубых глаз, подчеркивали румяную пухлость его выбритых щек и явное несогласие с модой наступившего царствования¹. За неплотно прикрытыми дверьми слышался оркестр, доносился женский смех, и создававшаяся суতোлка от прибывающих на раут гостей настойчиво призывала его в залитые огнями залы, но князь оставался в кресле и сосредоточенно вглядывался в окно. Он ждал вестей из дворца. Газовые фонари у подъезда погруженной во мрак громады Зимнего слабо разгоняли сгушавшуюся мглу, но он отчетливо видел, что окрашенные в фирменные «гатчинские»² цвета глухие сосновые ворота Большого двора по-прежнему заперты.

– Прибыл посланник Стекло, ваше высокопревосходительство, – доложил камердинер, пропуская вперед плотного, с цепляющим хмурым взглядом, мужчину.

– Прошу покорнейше садиться, – министр приподнялся из-за стола и, учтиво указав на стул, возвратился в кресло. – Вчерашним днем государь вернулся из Москвы с Пасхальных торжеств и сегодня предполагал подписать договор, однако покамест он не доставлен в министерство.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокопревосходительство, я готов ждать сколько потребуется. Обмен ратификационными грамотами в Вашингтоне намечен на июнь, – почтительно потупив взор, отвечал посланник.

– Утвердясь в вашем усердии и ревностном служении государю и новообретенному Отечеству, – вице-канцлер язвительно намекнул на недавнее австрийское подданство Стекла, – должен рекомендовать вам неуклонно отстаивать перед правительством Североамериканских Штатов статьи тайной конвенции, заключенной между нами и одобренной государем.

– Если ваше высокопревосходительство понимает индейцев, то ирокезы, да и кое-кто из вождей могикан...

– Безусловно, – не дослушав собеседника, в брезгливом нетерпении взмахнул рукой Горчаков, – набегу туземцев на британские поселения весьма желательны, однако американскому правительству следует использовать настроенных против Англии ирландских католиков, населяющих приграничные с Канадой земли, – при этих словах князя лицо Стекла приняло обеспокоенное выражение, Горчаков же тем временем продолжал. – Поскольку, уступлением Аляски мы навсегда покидаем Америку, надобно побудить и Британию эвакуировать Канаду.

– Королева Виктория уже изъявила согласие даровать Канаде свободы. И сделала это аккуратно 29 марта, спустя 11 дней, как я заключил договор с государственным секретарем Сьюардом, – победно заявил Стекло.

– И через неделю, как об том раструбили европейские газеты, – намекнул на утечку информации о заключенной сделке министр.

– Америка – демократическая страна и держать в неведении общественность по столь важному вопросу оказалось трудной задачей, – посланник оправдывался, как мог.

– Однако мы настоятельно просили Сьюарда сохранять конфиденциальность как можно дольше. И вы, помнится, ее тоже гарантировали, – не поспешил на упрек Горчаков.

¹ Речь идет о бакенбардах и пышных усах, кои носил Александр Второй и следовавшие его примеру верноподданные.

² Черно-бело-желтые (полосатые) цвета были особенно любимы императором Павлом и его сыновьями.

– При подготовке текста договора задействовали много народу. Видать, кто-то из офиса госсекретаря проболтался газетчикам и новость расползлась по свету, ваше высокопревосходительство.

– Лондонская «Таймс» уведомила своих читателей аж на третий день, как договор был подписан, – не унимался министр. – Англичане, определенно, опасаются потерять свои североамериканские владения, едва Аляска обрела новых хозяев, – наконец ушел с неприятной для Стекля темы князь.

– Однако ж продавать Канаду они ни за что не станут. Даже за сто миллионов долларов, кои были готовы им предложить в Белом доме, – как бы в отместку, посланник указал на капитулянтскую позицию русского кабинета в отношении Аляски и предложенную за них смехотворно низкую цену³.

Стекло неожиданно вспомнил, что он все-таки состоит на русской службе, и решил на время позабыть собственную роль в заключенной сделке, ярым поборником которой являлся на протяжении полутора десятилетий.

– Можно подумать, комбинация английского кабинета с пресловутыми свободами для Канады остановит экспансионистские прожекты американского правительства, – вице-канцлер слегка покраснел, однако предпочел не заметить лицемерную колкость Стекля, бросившую тень не только на него, но и на государя. – Как полагаете, англичане не могли прознать про связанную с нашим договором тайную конвенцию? – перекинулся на действительно волновавший его вопрос Горчаков.

– Едва ли что-то могло просочиться, – покачал головой посланник. – Упомянутая вами конвенция априори не предполагает слушаний в Сенате и голосования в Палате представителей. Так что, утечка едва ли возможна.

– Но это не означает, что она не будет иметь фактической силы, – восторженно воскликнул министр.

– Разумеется, ваше высокопревосходительство. Однако ж не возьмусь судить, как некоторые статьи конвенции воспримет будущая администрация, когда президент Джонсон оставит свой пост, а наш искренний друг – господин Сьюард – перестанет исполнять обязанности госсекретаря.

– Подобные гарантии не даст и Господь Бог. Угроза канадским владениям англичан родилась не сегодня, и, согласитесь, исходила не от нас. Достаточно вспомнить Крымскую войну, когда британский флот угрожал Ново-Архангельску⁴ и захватывал наши торговые корабли, – саркастически усмехнулся Горчаков.

– Еще со времен войны за независимость, англичане находят для себя угрозу в самом существовании Североамериканских Штатов. Дружба же с Россией только усиливает озабоченность британского кабинета. Да и доктрина покойного президента Монро⁵ говорит в пользу этого. Теперь же, когда парламент в Лондоне ратифицирует Акт о Британской Северной Америке, Канада обретет самостоятельность и станет, по сути, отдельным государством, – многозначительно заметил посланник.

– Но тесно связанным с Британией, – князь предостерегающе поднял вверх указательный палец. – Внешняя политика Канады останется всецело зависимой от Лондона. Впрочем, довольно об этом, – его неприятно удивила английская многоходовка с канадской независимостью, а еще более он досадовал на суждения собеседника.

Сама личность Стекля вызывала неудовольствие потомка Рюрика и черниговских князей Горчакова. Сын австрийского посланника в Константинополе и дочери переводчика русской

³ Аляска была продана за 7 миллионов 200 тысяч долларов.

⁴ Столица русской Америки – город Ситка. Захвату подвергались суда Русско-американской компании.

⁵ Доктрина Монро была направлена против экспансии европейских держав в Западном полушарии. Американский континент для американцев – вот ее суть.

миссии – итальянца на царской службе, он был сомнительным иностранным выскочкой в глазах вице-канцлера. И вместо того, чтобы пустить корни в России, продукт сего брака женился на американке. «Можно только догадываться, чьи интересы он изволит представлять в Вашингтоне», – недоверчиво глядя на Стегля, морщил лоб Горчаков. Назначение подобного человека посланником, произошедшее волею слепого случая, было не по нутру князю. Ему было также невдомек, за какие заслуги тот удостоился августейшего покровительства брата царя.

Великий князь Константин Николаевич сделал Стегля ключевой фигурой в сделке по продаже Аляски, что не могло не уязвлять министра, не одобрявшего в душе эту противную национальным интересам и традициям аферу. Еще более угнетала князя его собственная покладистость и боязнь перечить царю, как и его не в меру амбициозному брату. Конечно, роль Горчакова в Министерстве была неизмеримо выше, нежели у его предшественника, графа Нессельроде, руководившего лишь аппаратом МИДа и неукоснительно исполнявшего предписания покойного императора. Тем не менее и его свобода в принятии решений по тому или иному международному вопросу имела известные границы, которые он не смел преступить. – «Ладно и то, что удалось сыграть на уязвленных чувствах государя⁶ и подписать эту секретную антианглийскую конвенцию. Хотя и сам факт продажи Аляски на сторону идет в пику Лондону», – размышлял вице-канцлер, наблюдая украдкой за Стеглем.

– Военно-морские демонстрации и перемещения североамериканских войск вдоль пределов британских владений, – наставительно произнес князь, – должны проистекать с регулярностью, подтвержденной конвенцией, – постучал пальцем по невидимому тексту министр. – А коли американское правительство, расплатившись с нами, прекратит исполнение ее тайных статей, наемните Сьюарду, что мы откажемся от приобретения у них принадлежностей для железных дорог и расторгнем контракты на сооружение рельсовых и паровозостроительных заводов в Риге, Курске и на юге империи. Окромя того, переговоры по линии Военного министерства о покупке патента на производство винтовки Бердана и револьвера Кольта будут приостановлены. Доведите это до ушей их посланника Клея. Между прочим, он здесь, на приеме.

– Приложу все усердие, дабы в точности исполнить предписания вашего высокопревосходительства, – деланно подобрался Стегль.

– Полагаюсь на вашу опытность, Эдуард Андреич, – Горчаков живо поднялся и, опершись ладонями о стол, с холодной вежливостью бросил: – Как только подписанный государем договор вкупе с конвенцией окажутся у меня для контрастигации⁷, я извещу ваше превосходительство, – сдержанно улыбаясь и поглядывая в окно, князь поспешил свернуть ставшую докучать ему аудиенцию. После ухода Стегля в кабинет постучался тайный советник Гумберт – правая рука министра и его доверенное лицо.

– Прибыли Валуев с Тютчевым в сопровождении неизвестного мне чиновника правоведа. Поговаривают, он – протеже министра внутренних дел.

– А что госпожа Акинфиева? – глаза князя сверкнули из-под очков.

– Надежда Сергеевна чудесно справляется с ролью хозяйки приема, а прибывший с Валуевым молодой чиновник не отходит от нее ни на шаг, – с игравшей на губах ухмылкой, вполголоса сообщил Гумберт.

– Надин умеет кружить головы, – с философской грустью заметил Горчаков, успевший познать на собственной шкуре колдовство чар мадам Акинфиевой, доводившейся ему внучатой племянницей⁸ и любовницей по совместительству.

⁶ По результатам Крымской войны Россия была вынуждена принять унизительные условия ультиматума союзников, один из пунктов которого предписывал отказаться от Черноморского флота и срыть прибрежные укрепления, на чем более всего настаивала Великобритания.

⁷ Заверка документа своей подписью нижестоящим после главы государства лицом.

⁸ Надежда Сергеевна Акинфиева, в девичестве Анненкова, была замужем за внучатым племянником Горчакова, помещиком и уездным предводителем дворянства В. Н. Акинфиевым.

В эту минуту ворота дворца распахнулись, и затянутый в кавалергардский мундир всадник взял рысью по площади. – А вот и посланец государя, – князь кивнул на гвардейца, скачущего по Дворцовой. – Андрей Федорович, окажите милость, проводите его прямо сюда, а после я уж удовлетворю нетерпение Валуева с Тютчевым и новоприбывших с ними господ, – не отрываясь от окна, попросил Гумберта Горчаков. Когда верховой поравнялся с Александровской колонной, он скрылся в глубине кабинета, заняв место за письменным столом. Спустя четверть часа князь вышел к гостям.

Появление в столь поздний час флигель-адъютанта царя, в компании загадочно улыбавшегося Гумберта, обратило внимание гостей раута. Всевидящая баронесса Талейран, супруга французского посла, красноречиво указала мужу, что глава русского МИДа получил важное известие от императора. Александра Второго с нетерпением ожидали в Париже, где открылась Всемирная выставка. Наполеон Третий жаждал видеть царя, надеясь личной встречей снять груз былых недоразумений⁹ и попытаться заручиться поддержкой России против вошедшей в необычайную силу Пруссии. Как министр иностранных дел, Горчаков будет сопровождать своего государя, поэтому в запечатанном красным сургучом пакете наверняка содержатся детали предстоящего визита. Или, Пресвятая Дева, царь раздумал ехать, обидевшись на запоздалое приглашение, и просит вице-канцлера найти аргументы для отказа.

Посол Пруссии усмотрел в привезенном пакете монархии инструкции по герцогству Люксембург, на кое рассчитывал распространить, вопреки желанию Парижа, свое влияние Берлин. Посол Великобритании предположил, что речь идет о новых таможенных тарифах, посол Австрии тоже подумал о чем-то своем, разве что американский посланник сэр Кассиус Клей – огромный статный мужчина двухметрового роста, равнодушно кинув взгляд на бравого кавалергарда, предпочел наслаждаться ледяным шампанским и созерцать вальсирующие в парадной зале пары. Сияние бриллиантов на декольтированных туалетах придворных красавиц и сверкавшие переливы хрустала люстр ослепляли глаз, а аромат духов из зажженных спиртовых конфорок и поражающее взор великолепие свежих цветов в расставленных по углам корзинах, сообщали приему атмосферу изысканного шика.

Восторг гостей раута не разделял один Стебль, угрюмо стоявший близ очарованного блестящим спектаклем Клея. Он догадался о содержимом пакета и теперь старательно искал глазами Горчакова, однако тот прошествовал мимо, удостоив краткой беседы нехотя вернувшегося в реальность американца.

Обойдя дипломатов и сказав любезное слово каждому, князь вернулся в голубую гостиную, где разгорелся нешуточный спор. Министр внутренних дел Валуев, позабыв привычную сдержанность, горячо доказывал коллеге по финансам Рейтерну вредные последствия огульной передачи казенных железных дорог иностранным владельцам. Особенно его беспокоила предстоящая продажа Николаевской железной дороги, сделку по которой он считал необходимой, но мало продуманной, беря в расчет сомнительную репутацию покупателей. Будучи в недавнем прошлом вторым человеком в Министерстве государственных имуществ, Валуев знал предмет досконально. Он понимал, что стоит за стенаниями Рейтерна о нехватке на содержание дороги государственных средств, угадывая в ее скоропалительной продаже коррупционные схемы.

Отвечавший за иностранную цензуру тайный советник Тютчев, напротив, был миролюбив и галантен, и с куртуазным шармом внимал очаровательной Надин и одетому в щегольский фрак художавому господину. Когда Горчаков входил в гостиную, вдохновение посетило Тютчева, и он выдал стихотворный экспромт, приведший в совершеннейший восторг молодого

⁹ Имеются в виду Крымская война и восстание в Царстве Польском. Франция поддержала конфедератов и осудила царское правительство, подавившее сурово мятеж. Наполеон Третий требовал созыва международной конференции по польскому вопросу, чем немало рассердил царя.

человека. «Очевидно, этот великолепный фронт и есть протеже Валуева, о котором мне давеча толковал Гумберт», – подумал Горчаков, приближаясь к поглощенной общением троице.

– Следователь Санкт-Петербургского окружного суда, титулярный советник Чаров, ваше высокопревосходительство, – представил молодого человека Горчакову Тютчев, помимо начальствования в Комитете иностранной цензуры, состоявший и при вверенном князю министерстве.

– С сегодняшнего дня уже коллежский асессор! – раздался позади властный баритон главноуправляющего Третьим отделением шефа жандармов Шувалова. Окинув неодобрительным взглядом Акинфиеву, граф церемонно раскланялся с князем и, любезно кивнув Тютчеву, пожал руку новоиспеченному асессору. – Господин Чаров весьма преуспел в расследовании дел фабрикаторов фальшивых денежных знаков в Харькове и удостоен высочайшего благоволения за раскрытие аферы по распространению поддельных ломбардных билетов в губернии, – продолжил свою речь шеф жандармов, заставляя покраснеть от смущения молодого человека.

– Можно только сожалеть, что подающий столь многообещающие надежды чиновник не принадлежит моему ведомству, – с интересом глядя на Чарова, отвечал Шувалову Горчаков, неотрывно держа в поле зрения Акинфиеву, беззастенчиво флиртовавшую с вошедшим в гостиную Вяземским.

– Я также в недоумении, что месье Чаров изволит служить по ведомству Министерства юстиции, а не по Третьему отделению. В особенности, когда он столь похвально проявил себя в деле..., впрочем, я не вправе говорить о предмете, составляющим государственную тайну, – вовремя остановил себя граф, успев изрядно заинтриговать слышавших его разговор лиц.

– Петр Андреевич, вижу, порядком сконфузил вас, – учтиво улыбаясь Шувалову, пришел на помощь молодому человеку освободившийся от спора с министром финансов Валуев. – Должен заметить, господа, что по уставу Училища правоведения, курс которого блестяще окончил господин Чаров, он обязан прослужить шесть лет по ведомству графа Палена¹⁰ и только по прошествии означенного срока сможет осчастливить иное министерство. Потерпите год, господа, и Сергей Павлович сделает свой выбор, – прояснил ситуацию Валуев, увлекая за собой Горчакова, к которому имел приватный разговор.

Овладев собой после столь щедрого внимания облеченных высокой властью особ, Чаров возобновил приятную беседу с поздравившей его первой Акинфиевой.

– Надеюсь, это ваше производство пойдет и мне когда-нибудь на пользу, – обворожительно улыбаясь, неожиданно бросила она и, взмахнув веером, выбежала на гром оркестра в парадную залу. Она вспомнила, что обещала кадрили одному весьма знатному кавалеру.

– Несравненная Надин не теряет времени даром, хоть и замужем и имеет двоих малолетних детей. Житие при добропорядочном муже в провинции и воспитание дочерей скучны для нее. Мы ведь рождены для столиц и принцев! – ехидно заметил Тютчеву Вяземский, когда опаздывавшая на кадрили Акинфиева едва не сбила с ног пожилого человека.

– Пожалуй, вы правы, князь, однако ж не будем судить молодость, – уклончиво отвечал Тютчев, имевший сам предосудительные связи на стороне.

– А этот Чаров, он что, действительно, так уж хорош и делен? – с явным сомнением поинтересовался умудренный знанием света Вяземский, редко слышавший добрые отзывы о ком-либо в речах Шувалова.

– Первое впечатление довольно благоприятное. Думаю, следуя логике великого Талейрана¹¹, чей родственник исполняет обязанности посланника у нас, оно и суть верное.

¹⁰ Пален Константин Иванович в описываемое время исправлял должность товарища министра юстиции, но фактически руководил министерством, в виду отставления господина Замятнина от должности в апреле 1867 г.

¹¹ Наставляя молодых дипломатов, умудренный жизнью князь Беневентский Талейран говаривал: «Бойтесь первых порывов души, они, как правило, искренни».

– Но отчего мой бывший *beau-fils*¹² Валуев так носится с ним? – брюзжа неприкрытым сарказмом, поинтересовался Вяземский.

– Слышал, месье Чаров приходится родней семейству Петра Александровича.

– Седьмая вода на киселе – вот такая он им родня, любезный Федор Иванович, – не переставал ворчать он.

– Право, князь! Неокрепшее дарование нуждается в опытном руководителе, особенно таковом, коим является наш Петр Александрович, – чувствуя, что беседа грозит перекинуться на личность Валуева, Тютчев счел за благо откланяться и вышел в соседнюю залу, где был устроен буфет.

Оставшийся в одиночестве Чаров хотел было присоединиться к нему, однако был перехвачен сановным родственником, спросившем его мнение на предмет их беседы с Горчаковым. Меж тем, куранты Петропавловского собора пробили полночь, затем час, два, и, только когда минутная стрелка отмерила еще четверть, мелодии котильона стихли, прием подошел к концу. Утомленные гости обступили вице-канцлера и, шумно рассыпаясь в благодарностях, начали расходиться. Взявшая князя под руку Акинфиева не удостоилась признательного внимания великосветской публики, лишь скромные кивки танцевавших с ней мужчин были ей наградой. Одни Чаров с Тютчевым отметились лобзанием ее руки, под изумленно осуждающие взгляды оказавшихся рядом дам.

Высматривавший глазами Стегля и не нашедший его в покидавшей раут толпе Горчаков поманил Гумберта и спросил того о посланнике. Князь решил немедля вручить Стеглю контракт-ассигнованный им договор и подписанный текст конвенции.

– Он уж давно уехал из министерства, – отрешенно разведя большими, принадлежащими, скорее, кузнецу, нежели дипломату, руками, сообщил он вице-канцлеру.

– В таком разе уведомите его поутру курьером, что б непременно заехал за доставленным из дворца пакетом.

– Отчего курьером, ваше высокопревосходительство? Делопроизводителя Азиатского департамента Палицына задержала неотложная работа. Он живет неподалеку от квартиры, где остановился посланник. Его и отошлю с запиской к Эдуарду Андреевичу. А может, – задумался на мгновение Гумберт, – отдать Палицыну означенный пакет прямо в руки и отправить его к Стеглю? Не хуже фельдъегеря доставит. Он человек семейный, надежный и трезвый. Аттестации имеет непревосходнейшие.

– Вы в своем уме?! Пакет государя содержит бумаги первостатейной важности! Кроме того, у меня возникли новые предположения, кои я желал бы обсудить с посланником. Впрочем, сейчас не время об этом толковать! – в возмущении, сведя брови, холодно процедил Горчаков, с ходу отвергнув идею Гумберта. – Довольно будет, коли месье Палицын не сочтет за труд и доставит ему наше письмо, как освободится. Надеюсь, к девяти часам он управится?

– Управится, будьте покойны. Я уж справлялся у него. Подоспели новые прожекты от директора Азиатского департамента Стремоухова, касаемые временных правил нашего совместного с Японией владения островом Сахалин, согласно заключенному в марте соглашению. К тому же, как явствует из его поясняющей записки, их юный император что-то затевает, – он перешел на доверительно вкрадчивый тон, в очередной раз безропотно проглотив гневную вспышку патрона, на кои тот не скупился в минуты раздражения.

Держась с остальными сотрудниками МИДа исключительно корректно и ровно, Горчаков позволял в отношении тайного советника менторский тон и несвойственную для себя резкость. Такова была плата за близость к его особе, однако со временем она стала тяготить самого плательщика.

¹² Зять Фр. Валуев был женат первым браком на дочери князя Вяземского Марии, умершей от холеры.

– Любопытно, что может затевать микадо, когда вся полнота власти у сегуна. И что является причиной столь странных суждений Стремоухова? – рассеянно протянул вице-канцлер, едва сдерживая зевок. – На июнь намечен обмен ратификациями, – прикрывая ладонью рот, перешел на куда более близкие ему темы князь, – а Стеклю еще предстоит доплыть до Вашингтона. Посему, отправляйте вашего Палицына с Богом. Может воспользоваться моим экипажем по такому случаю. Было бы недурно, ежели б посланник в нем сюда и последовал. Однако ж сие не в нашей власти, – с сожалением вымолвил он, подходя к кабинету.

Дипломатический корпус и прочие чиновные гости к той минуте покинули министерство, а оставшихся князь поручил заботам госпожи Акинфиевой.

– И вызовите, голубчик, столяра. Пусть, наконец, починит замки от кабинета, а то он не запирается, – указал на приоткрывшуюся от сквозняка дверь Горчаков, – и я принужден держать в столе секретные бумаги, – посетовал вице-канцлер, пропуская перед собой Гумберта.

– Заказанный мной несгораемый потайной шкаф конструкции братьев Чабб должен вскорости прибыть из Британии.

– Превосходные вести, Андрей Федорович, однако ж не забудьте про столяра. Да, хотел вас спросить, – слегка помявшись и раздумывая, натужно вымолвил князь, – отчего у того чиновника, что был привезен к нам Валуевым, столь странная, не то обрезанная, не то придуманная, вроде как сочиненная, фамилия?

– Она и есть обрезанная, Александр Михайлович, – просиял Гумберт, обрадованный, что не зря навел справки о Чарове, едва услышав хвалебную аттестацию его персоны Шуваловым. – Месье Чаров – незаконный сын покойного генерала Овчарова. Того самого героя двенадцатого года, чьи услуги Отечеству высоко оценил незабвенной памяти государь Александр Павлович. Да и почивший в бозе светлейший князь Чернышев, превосходно знавший его, всегда характеризовал генерала с наилучшей стороны. После гибели единственного законного сына в Севастополе, старик Овчаров, чье здоровье совсем расстроилось, просил Чернышева, также по тому времени весьма болезного, похлопотать перед императором в деле передачи сыну своего имени и прав на имение. Права на имение наследник получил, в дворянском сословии также был, по монаршей милости, оставлен, а вот прошение о присвоении отчего имени покойный государь, известный строгостями в подобных вопросах, отклонил.

– Ах, вот оно что! Я, кажется, припоминаю эту историю, – с воодушевлением воскликнул в одночасье повеселевший Горчаков. Известие, что Чаров хоть и бастард, но бастард свой, дворянский, а не безродный космополит-разночинец или, того хуже, выкрест из местечка, оказало благотворное воздействие на давно пережившего свой век Горчакова, и он отослал Гумберта с самыми нежными напутствиями. – Утром можете поспать, вам нет нужды приходить рано. А записку для Стекля передайте сей же час тому сотруднику, – бросил на прощание вице-канцлер.

Удостоверившись, что ящики письменного стола заперты, князь отправился спать.

Глава 2. Деликатное поручение

Напитанный впечатлениями вечера Чаров возвращался к себе в радужном расположении духа. Однако по мере того, как нанятый экипаж приближал его к дому графа Сумарокова по 7-й линии Васильевского острова, где он занимал порядочную квартиру в три комнаты со слугой и кухней, градус настроения молодого человека неуклонно падал. Поручение графа Шувалова, мало совместное с дворянской честью, смущало его...

Распутывая дело распространителей фальшивых ломбардных билетов в бытность своей службы следователем при Канцелярии обер-полицмейстера, Сергей сошелся со студентами Императорской академии художеств, облюбовавших близлежащий трактир «Золотой якорь»¹³, который и он сам частенько посещал. Сближению с художниками (кое-кто из них действительно сотрудничал с фальсификаторами билетов, как вскорости установил Чаров) пособило соседство скульптора Антакольского, жившего в том же доме и учившегося в академии. Имея склонности к живописи и войдя в крайне стесненное положение многообещающего таланта, Чаров стал брать у того уроки, и спустя пару недель молодые люди сдружились. Через Антакольского он познакомился с Репиным и другими студентами академии.

Однажды, это случилось по прошлому году, он зашел в заведение и, не застав там никого из друзей художников (в зале сидели одни иностранные моряки), приказал принести себе водки с ухой из ершей, соленых огурцов и расстегаев погорячее. Когда половой поставил перед ним дымящуюся уху и наполнил рюмку, соседний столик заняли молодые люди, лица которых Чаров видел впервые.

Вошедшие были возбуждены. Разгоряченные собственным разговором они не замечали пьяных возгласов английских матросов, а на Чарова, бывшего в неприметном партикулярном платье, смотрели как на пустое место. Его присутствие им вовсе не докучало. Чтобы услышать себя во все возраставшем шуме, молодые люди говорили излишне громко, особенно, когда половой принес им бутылку красного. Став невольным свидетелем их беседы, Сергей узнал много такого, что вынудило его, невзирая на этикет и приличия, тем же вечером заявиться домой к Валуеву, так как попытка арестовать незнакомцев в трактире не увенчалась успехом. Заметив, что те зовут полового и считают мелочь, Сергей выскочил на улицу, чтобы крикнуть городского, но возле самого заведения был остановлен развеселой компанией знакомых художников, немилосердно затолкавших его обратно в трактир. Когда он, наконец, освободился от дружеских объятий, незнакомцев и след простыл.

– Ты уверен в своих суждениях? – министр внутренних дел нервно расхаживал по кабинету.

– Вернее не бывает, дядюшка. Замышляется покушение на государя. Тот, кого собеседник именовал Дмитрием, поклялся застрелить императора, – взволнованно подтвердил он.

– Стало быть, злоумышленники – студенты?

– Может, и вольнослушатели какие, – неуверенно пожал он плечами. Однако ж точно не из художников.

– А второго зовут?..

– Худяков, дядюшка. Он Дмитрий обращался к нему исключительно по фамилии.

– Ладно, поторопись домой, уже поздно. Мой экипаж отвезет тебя. Завтра же доведу твои сведения до князя Долгорукова¹⁴, а уж он возьмет меры.

¹³ Состоявшее из 3-х этажей заведение было чрезвычайно популярным в среде творческой интеллигенции, студентов и матросов иностранных судов, стоявших возле Николаевской набережной. Над трактиром располагался ресторан, а в полу-подвальном помещении пивнушка для простого люда.

¹⁴ До апреля 1866 г. исполнял должность начальника Третьего отделения и начальника штаба корпуса жандармов.

Меры по предупреждению покушения принимать не пришлось. На следующий день, 4 апреля, в четвертом часу пополудни, возле решетки Летнего сада прозвучал выстрел Дмитрия Каракозова, ознаменовавший замедление реформ и закручивание гаек в империи.

Записка Валуева, оказавшаяся в руках Долгорукова за несколько часов до покушения, не смогла помочь князю предотвратить его, зато впоследствии была прочитана новым главой ведомства Шуваловым. Граф пожелал видеть ее истинного «виновника», и Валуев представил тому племянника. В ходе следствия Чаров же и опознал в арестованном Каракозове того самого Дмитрия из трактира. С тех пор всевластный Шувалов стал присматриваться к молодому человеку, попутно испытывая его. Вот и сейчас, на балу в МИДе, на который тот был приглашен его настояниями, а не благодаря протекции дядюшки, как все подумали, шеф жандармов напомнил Сергею, что с нетерпением ждет результатов по данному им поручению.

– Не смею вас неволить, но согласие, вами данное, обязывает вас, милостивый государь, узнать о тайных помыслах, теперь уже известной вам лично, особы. Насколько могу судить, вы ей понравились, а это вселяет надежду на успех вашей миссии, – отозвав его в сторону, непререкаемым тоном заявил граф.

– Благодарю низжайше за оказанное доверие, ваше высокопревосходительство, однако ума не приложу, как смогу воспрепятствовать ей отправиться в Париж? – искренне недоумевал Чаров.

– Вы – друг герцога, а значит, при известной ловкости, сможете стать поверенным в его сердечных делах. Напишите ему о вашей встрече с Акинфиевой. А мы сделаем так, что он прочтет ваше послание тремя днями позже.

– Пропасть общественного положения, разделяющая нас, едва ли позволит мне называть его императорское высочество своим другом, да и мне...

– Вздор! Герцог никогда не чинился, титул и мундир, а теперь, как я вижу, и семейный статус, стоят в его глазах весьма дешево. Иначе он никогда бы не связался с Акинфиевой. А ваше совместное с ним увлечение минералогией, а теперь и знакомство с его пассией, послужат отличным залогом дальнейших отношений, – настаивал на своем шеф жандармов.

– Однако ж называться ему другом и одновременно вредить ему, согласитесь, недостойно и дурно, – он хотел сказать «подлю и низко», но поостерегся.

По совести говоря, поручение графа задевало дворянскую честь Чарова и уязвляло его гордыню. Оно лишний раз напомнило ему, что он всего лишь жалкий бастард и вхож в высшее общество, благодаря высокому авторитету его родственника Валуева и всепроникающему влиянию могущественного шефа жандармов.

– Вы хотели употребить иные слова, не так ли? – догадался Шувалов.

– Вашему высокопревосходительству не откажешь в прозорливости, – с угрюмым выражением лица честно признался Сергей.

– Будет вам в словопрениях упражняться, для своих судейских приберегите, да и не к лицу они вам! Нынче не до условностей, дело и так зашло слишком далеко, – пропустил мимо ушей «этическую» сентенцию Чарова Шувалов.

– Осмелюсь спросить, как в сей запутанной ситуации обходиться с князем?

– Горчакову давно известно, что мадам неверна ему и крутит шашни с герцогом, хотя свой роман с ним ей удавалось весьма долго прятать. Тому виной удобное расположение Горного департамента, в работе которого его высочество принимал и, надеюсь, еще примет самое деятельное участие. Как известно, оный департамент располагается в том же месте¹⁵, где и мы, грешные, ныне пребываем, – лукаво ухмыльнулся Шувалов.

¹⁵ Горный департамент входил в Министерство финансов, которое находилось, как и МИД, в здании Главного штаба на Дворцовой площади.

– Да, да... Мы даже как-то раз встречались там с герцогом, хотя обычно он приглашал меня в минералогический музей Горного института.

– Так вот, продолжаю. Князь поместил Акинфиеву на третьем этаже в комнатах для прислуги, над казенной министерской квартирой, где он постоянно проживает. Вот вам и причина, отчего ее связь с герцогом оставалась в тайне. Полагаю, мы бы до сих пор оставались в неведении, коли б его высочество не объявил о своем желании непременно на ней жениться, – лицо шефа жандармов посуровело. – Одно вице-канцлеру в утешение, что он все ж таки не обманутый муж, кем изволит быть месье Акинфиев. Министр первым наставил тому рога, а уж потом и герцог изволил обойтись с князем подобным манером. Впрочем, могу предположить, что, на момент их знакомства, его высочество не знал, что Акинфиева состоит в интимной связи с князем. Самое лучшее, чтобы Горчаков устроил ей развод с мужем, а после, женился б на ней сам. Убежден, он до сей поры страстно любит ее, отчего и продолжает терпеть в своем доме. Мадам не прочь развестись, но вот выйти за министра может и не пожелать. Отныне ее мысли всецело занимает молодой и красивый принц, а не старик вице-канцлер. Да и сам Горчаков, узнав соперника, скорее отступится и не станет препятствовать герцогу избрать свой жребий. Смирившись с поражением и побуждаемый благородными намерениями, он может помочь Акинфиевой соединиться с герцогом, выправив ей заграничный паспорт от своего ведомства. Подобный исход весьма нежелателен и тревожит государя. Акинфиева обещала его величеству не ездить на выставку в Париж, где сейчас находится предмет ее вожделений, однако заверения оных особ не многого стоят, – предельно откровенно, без экивоков и прикрас, поделился тайнами большого света и собственным видением проблемы Шувалов.

– Неужели вице-канцлер осмелится выдать ей заграничный паспорт, зная умонастроения государя? – поразился царящими при дворе порядкам Чаров.

– Может, конечно, и не осмелится, хотя... – Шувалов призадумался на секунду, – император запретил мне указывать министру на крайнюю нежелательность подобного шага, – в сердцах посетовал на решение царя шеф жандармов.

– А как, собственно, вышло, что госпожа Акинфиева представлена ко двору? – Чаров никак не мог взять в толк всю абсурдность происходящего.

– По прошлому году князь выхлопотал чин камер-юнкера ее мужу. Причем сделал это всеми правдами и неправдами, потому как господин Акинфиев состоял на ту пору в незначительном чине губернского секретаря. Полагаю, делу помогло другое важное обстоятельство: будучи богатым помещиком в Покрове, тот был избран уездным предводителем дворянства. Да и Владимирский губернатор весьма о нем похвального мнения, – с ядовитой усмешкой пояснял Шувалов. – Впрочем, это – уже история. Главное, помните! – граф доверительно посмотрел на Сергея и, убедившись, что рядом никого нет, произнес, – император не желает этой связи, а матушка герцога, великая княгиня Мария Николаевна, та просто в ужасе! – излишне эмоционально вымолвил шеф жандармов. – Брак с Акинфиевой ее сына, внука императора Николая и любимого племянника нынешнего государя, ломает ему жизнь. Женившись на ней за границей, если духовная консистория даст ей развод, герцог не сможет жить в России и будет определенно изгнан из императорского дома. Расстроив этот брак, вы окажете неоценимую услугу Государю и Отечеству, не говоря уже об ослепленном страстью герцоге, – патетически высокопарно закончил тираду Шувалов и, отпустив Чарова, отправился танцевать.

Прогремев по брусчатке Английской набережной, коляска взлетела на Николаевский мост и через считанные минуты поравнялась со Спасо-Андреевским собором и церковью Трех Святителей, после чего запряженные в нее рысаки пошли шагом. «Тпру-у-у!» – натянул вожжи извозчик, и лошади встали по четной стороне улицы, возле запертых ворот аккуратного трехэтажного дома.

Выбравшись из экипажа, Чаров обнаружил, что цилиндр и лайковые перчатки он позабыл у Горчакова в МИДе. Если перчаток ему было не жаль, то потеря новомодного, сшитого

по английским лекалам, цилиндра, была огорчительна и досадна. «Завтра, вернее, уж сегодня, – мысленно поправил себя он, – надобно заскочить на Дворцовую и спросить у прислуги», – нетерпеливо звоня в сонетку дворницкой, размышлял кутавшийся в плащ, озябший на промозгом ветру Сергей. Несмотря на начало мая, в Петербурге стояла ноябрьская погода. Лед висел в воздухе. Набухшие почки не желали распускаться, а голые сучья почерневших деревьев навевали на сердце тревожащую тоску. Белое сияние луны мешалось с тусклой желтизной фонарного отсвета, возбуждая чувство щемящей неприкаянности и смутного страха. Зарождавшийся день обещал быть холодным и хмурым.

Глава 3. Пропажа государственной важности

Пробудившись в восьмом часу стараниями слуги Прохора, Чаров вспомнил о позабытом цилиндре и поспешил умываться. Облачившись в форменный мундир судебного ведомства, он вспомнил, что следует сменить петлицы в соответствии с его новым чином коллежского асессора. «Только надобно сперва на Литейный съездить, да убедиться, что указ всамделишно вышел», – с этой мыслью он выбрался из дому, прихватив футляр для цилиндра. Сильный порыв ветра с Невы ударил ему в лицо, чуть не сбив с головы фуражку. То и дело хватаясь за козырек, он добрел до Большого проспекта, где запрыгнул в отъезжавшую конку и спустя четверть часа был на Дворцовой.

Не найдя швейцара в вестибюле, он поднялся на второй этаж, где опять же никого не застал. «Сдается мне, еще слишком рано», – подумал он, доставая из кармана золоченый брегет и оглядывая пустую приемную. Не успел он открыть крышку, как из кабинета министра выбежала горничная с пунцовым лицом и заплаканными глазами. «Определенно, здесь что-то произошло», – тревожное чувство охватило молодого человека, и он решительно вошел в открытые настежь двери, возле которых деловито возился мастеровой весьма суровой наружности.

Ящики письменного стола в кабинете были выдвинуты, бумаги, взятые из них, свалены на его зеленом сукне, сам министр в печальной растерянности понуро сидел в отодвинутом в сторону кресле. Чуть поодаль от него, с сумрачной миной, возвышался тайный советник Гумберт и нервно тербил пальцами оконную драпировку. Заметив появившегося в кабинете Чарова, он недоуменно воззрился на него.

– Прошу великодушно меня простить, но ни в вестибюле, ни в приемной никого не было, и я осмелился беспокоить ваши... – начал свою речь он, как был прерван тайным советником.

– Господин судебный следователь, если не ошибаюсь, – Гумберт сразу вспомнил его.

– Он самый, ваше превосходительство. Старший следователь Окружного суда коллежский асессор Чаров. Вчера имел честь быть приглашенным, и..., по забывчивости, оставил в гардеробе цилиндр, – с извиняющимся лицом он кивнул на футляр. – Неловко говорить о подобной чепухе, мне бы со швейцаром потолковать...

– Он отослан, горничную спросите, – неопределенно махнул рукой Гумберт и уставился в окно, показывая всем своим видом, что молодой человек появился довольно некстати.

– Как отыщите свой цилиндр, сделайте милость, зайдите к нам на минуту. И не считите за труд, задерните входную портьеру, – глухим, надтреснутым голосом бросил ему вслед Горчаков, неожиданно выйдя из ступора.

Гумберт недоуменно посмотрел на патрона в ожидании разъяснений.

– Палицын здесь? – блеснув стеклами очков, заметно бодрее, поинтересовался министр.

– Еще копается! Много переводить пришлось на японский, а он покамест языком оным не вполне свободно владеет, – продолжая не понимать, передернул плечами тайный советник.

– Превосходно! Стекла уведомлять не станем. Если пакет в течение ближайших дней не будет обнаружен, тогда известим о прискорбном происшествии государя. Его величество в скором времени отбывает в Париж, я еду тоже, а посему придется изготовить новую ратификационную грамоту к договору и поднести ее вдругорядь на подпись государю. Чрезвычайно неприятная комиссия! Представляю лицо императора... А коли секретные статьи конвенции попадут или уже попали на глаза англичанам? Скандал! Международный скандал! – с горечью восклицал князь.

– Помните, когда посланник Стебль вернулся на Пасху в Петербург, список договора был незамедлительно изготовлен, – напомнил ему обстоятельства дела Гумберт.

– Я самолично делал перевод. Что же касается копии ратификационной грамоты, составленной, согласно протоколу, на французском, она переписывалась разными людьми, поскольку предназначалась исключительно для моего личного пользования. Договор – сотрудником Стремоухова, запомнил его фамилию, у него совершенно каллиграфический почерк, а текст секретной морской конвенции – стариной Леонтьевым. У того тоже рука хороша, однако ж видно, что два разных почерка.

– Осмелюсь спросить, – Гумберт замялся, – судебного следователя Чарова желаете привлечь к розыскам?

– Обер-полицмейстер с его проходным двором, а не канцелярией, квартальные с околоточными, следователи сыскной части – это не наш случай, Андрей Федорович. Равно, как и люди Шувалова. Я берегусь огласки, хотя она и без того неизбежна, если пакет не найдется. А господин Чаров мне глянулся. Видно, что порядочный и умный человек. К тому же, несмотря на молодость, довольно искушен в своем деле. Аттестация шефа жандармов тому порука. Сам Господь Бог нам посылает его. Полагаю, следует испытать его, а уж после... – князь замолчал, погрузившись в раздумья.

– А если он согласия не даст?

– Употреблю все усилия, дабы урезонить его, – Горчаков дал понять Гумберту, что желает говорить с Чаровым наедине, и тот беспрекословно удалился.

– Я возьмусь отыскать пакет государя, ваше высокопревосходительство, и, надеюсь, найду его, – Сергей дал понять, что всецело проникся важностью исчезнувших документов, – только у меня будет одно условие: я должен получить список всех, без исключения, лиц, бывших вчера на рауте, а также всех, кто находился в министерстве на момент обнаружения пропажи, – решительно заявил он, когда с цилиндром в руке, вернулся в кабинет Горчакова.

– Что ж, полагаю, Андрей Федорович пособит нам. Я немедля позову его, – ответил обрадованный князь и потянулся к шнуру.

– Если позволите, я желал бы осмотреть ваш стол, а именно, состояние замковых впадин на ящиках.

– Извольте, – приглашающим жестом поощрил Чарова изумленный немало Горчаков.

– Пакет хранился в срединном ящике, не так ли? – на сей раз он не особо удивил своей догадкой вице-канцлера, поднося свечу к каждой из семи замочных скважин и внимательно их осматривая.

– Совершенно верно, – бесцветным голосом отвечал князь, не без иронии следя за манипуляциями следователя.

– А ключи от ящиков были у вас одного?

– У меня и ни у кого другого.

– Стало быть, один ключ отпирает замки от всех ящиков?

– Именно, так, месье Чаров, – с готовностью подтвердил Горчаков, доставая изящный посеребренный ключ из внутреннего кармана сюртука. – Второй ключ содержится в тайном месте у меня в спальне, иных ключей не имеется. Вчера вечером я запер пакет и отправился почивать.

– Вы почивали...

– Здесь же, в своей квартире на втором этаже, – молниеносно ответил князь, заметно краснея. От его сиюминутной иронии не осталось и следа. – Утром же, в десятом часу пришел в кабинет и отперев упомянутый вами ящик, пакета, положенного поверх других бумаг, увы, не обнаружил. Один Михеев ковырялся с замком, – нервным движением головы, он указал на задернутую портьеру, скрывавшую фигуру столяра.

– И Михеев, понятно, никого не видел и ничего подозрительного не заметил?

– Ни-че-го, – обреченно подтвердил князь.

– С разрешения вашего высокопревосходительства, я немного потолкусь здесь, а после, вернувшись, займусь списком Андрея Федоровича. Да, еще одна просьба к вам... Наружный осмотр замочных впадин мало что дал. Прикажите столяру выставить замки из ящиков, дабы я мог подробнее осмотреть впадины. И чтоб каждый замок был подписан, от какого он ящика. Это весьма важно, ваше высокопревосходительство, – с этими словами, водрузив свечу в канделябр, Сергей покинул озадаченного министра.

Глава 4. Предложение Ротшильда

Ницца. Английская набережная. 29 декабря 1866 года.

Герцену нездоровилось. С раннего утра его познابلвало, немного першило в горле и покальвало в правом боку. К обеду боль в боку унялась, озноб исчез, но горло не отпускало. Он заставил себя выпить чашку горячего бульона и откинулся в кресле за чтением газет. Принесли полуденную почту. Отложив в сторону газеты, он торопливо вскрыл знакомый, синеватой бумаги, конверт и извлек письмо. Через минуту, накинув пальто и закутавшись в шарф, он хлопнул дверь и, не услышав встревоженного оклика жены: «Ты же болен, Саша!» – стал стремительно сбегать вниз по лестнице.

– Вы преувеличиваете мои возможности, любезный Натаниэль, хотя, не скрою, предложение господина барона мне весьма льстит, – Герцен самодовольно ухмыльнулся. – Одного никак не возьму в толк: отчего в русском правительстве решились на столь неоднозначный и, как мне кажется, непопулярный шаг?

– Продажа Аляски – дело решенное, месье Герцен. В связи с этим дядюшка возлагает на вас большие надежды. Если бы вы поспособствовали ему, хотя бы краешком глаза, заглянуть в будущий договор с Североамериканскими Штатами, его благодарность была бы очень весомой, – слова Натаниэля заставили Герцена задуматься, и он посмотрел вдаль.

Легкий бриз лениво шевелил волнами, донося до скамейки на Променад дез Англе, где уединились собеседники, аромат морской свежести, перемешанный с запахом жареной рыбы, приготавливаемой в бистро за спиной.

– Дядюшка уверил меня, – продолжал давить доводами Натаниэль, – что, имея столь широкую сеть информаторов на родине, в том числе, чрезвычайно влиятельных, вам по силам помочь ему.

– К сожалению, после того как я поддержал поляков¹⁶ в их самоотверженной борьбе с самодержавием, либеральная интеллигенция в России отвернулась от нас, и тиражи «Колокола» заметно упали. Многие мои информаторы, которые занимали, да и сейчас занимают видное положение в государственном аппарате, попросту перестали отвечать мне. Они вычеркнули меня из числа своих друзей.

– Но кто-то же остался?! – энергично возразил раздосадованный Натаниэль, явно не желавший возвращаться в Париж несолоно хлебавши.

– Разумеется... – тяжело вздохнул Герцен, собираясь с мыслями. – Если ранее я получал информацию из самых что ни на есть правительственных верхов, из первых рук, можно сказать, то теперь вынужден довольствоваться крохами. Мои нынешние корреспонденты – издатели второстепенных газет, кое-кто из журналистов и министерских чиновников. Радикально настроенной молодежи я стал не интересен, она меня ругает, обвиняя в отсутствии этого самого радикализма и нежелании дать им средства на революцию. «Довольно агитации, пора действовать», – упрекают меня они, но деньги, однако, требуют.

– А как насчет людей в ведомстве князя Горчакова? – напрямую спросил не собиравшийся отступаться Натаниэль.

– Подумаю... – уклончиво отвечал Александр Иванович и со скрытым раздражением воззрился на напористого собеседника. – Впрочем, зачем ходить вокруг да около, – хитро прищурил левый глаз Герцен, понимая, что тот неспроста приехал к нему, – есть там у меня один чиновник, по Азиатскому департаменту служит, мечтает, кстати, быстро разбогатеть, – при этих словах лицо Ротшильда вытянулось и разом посуровело. – Нет, нет... вы меня не так поняли, – он взмахнул рукой, поторопившись успокоить собеседника. – Человек тот играет

¹⁶ Имеется в виду мятеж в Царстве Польском.

на Парижской бирже через доверенных брокеров, и, если так случится, что он, допустим, я повторяю, допустим, достанет требуемые сведения, то ему следует дать дельный совет.

– Великолепно, месье Герцен. Совет он от нас получит, и, помяните мое слово, хорошо на нем заработает. Так и уведомите его. И если он по роду своей службы ознакомит нас с другими интересными документами, которые попадутся ему на глаза, мы заплатим ему отдельно.

– А вам не кажется, что это уже шпионажем попахивает, любезный Натаниэль? – брезгливая гримаса оттопырила его нижнюю губу.

– Нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Вы боретесь с русским правительством, а мы хотим узнать его тайны. Не вижу препятствий для сотрудничества. Тем более, повторюсь: продажа Аляски – дело решенное.

– Хорошо, я напишу в Петербург, – после внутренней борьбы выдал из себя согласие Герцен.

– Надеюсь, мы поняли друг друга. В подобном ключе я и передам наш разговор дядюшке.

– И тем весьма меня обяжете, – живо встрепенулся Александр Иванович. – Мои наилучшие пожелания барону. Я всегда буду помнить его добро¹⁷.

Возвратившись поездом в Париж, Натаниэль не замедлил отчитаться о встрече с Герценом.

– Он согласился, это хорошо, впрочем, я не ожидал иного ответа. Тем не менее тебе придется отправиться в Нью-Йорк и посетить нашего друга Бельмонта¹⁸. Пусть он прощупает тамошнюю почву. Не исключено, что североамериканское правительство обратится к нему с просьбой организовать финансирование предстоящей сделки, – заметил барон Джеймс. Но перед этим тебе предстоит пересечь Ла-Манш и встретиться с кузеном Лайонелом. Он снабдит тебя инструкциями для встречи с Бельмонтом, а уж после ты купишь билет на пароход до Нью-Йорка.

– Но, я же с ним в ссоре, вы знаете об этом, дядюшка, – энергично запротестовал Натаниэль.

– Ваша ссора – сущая безделица. И, как я осведомлен, Лайонел не держит на тебя зла. Я даю тебе шанс помириться с ним. Не забывай, твой старший кузен – член британского парламента, а правдивая информация о сделке по Аляске чрезвычайно заинтересует английский кабинет.

– Но пока что ее у нас нет!

– Не важно, – с гримасой неудовольствия отмахнулся барон. – Расскажешь Лайонелу о взятых нами мерах и заверишь его, что он будет первым человеком в Британии, кто узнает всю подноготную этой подозрительной аферы.

– Но наша ссора ставит под сомнение саму возможность этой встречи! – продолжал упорствовать не желавший идти первым на мировую Натаниэль.

– Я напишу ему письмо, и, ручаюсь, он тотчас простит тебя, – обезоружил его упрямство старик Джеймс.

¹⁷ Парижское бюро банка Ротшильдов вело финансовые дела Герцена с того самого времени, как в 1850-м году барон Джеймс заставил правительство Николая I уплатить ему деньги Герцена, который стал его клиентом по бумагам Московской ссудной казны, арестованными решением русского суда. Кстати, по его же совету, Герцен держал значительную часть своих средств в американских облигациях.

¹⁸ Август Бельмонт – представитель банкирского дома Ротшильдов в Америке, впоследствии создал собственную контору в Нью-Йорке, богач и филантроп. Видный деятель Демократической партии. Оказывал финансовые услуги американскому правительству.

Глава 5. Информатор Герцена

Коллежский секретарь Палицын окончил работу и с наслаждением потянулся, разминая затекшие члены. Часы меж тем показывали начало одиннадцатого. «Ух ты, дал же я, не отнюдь!» – сжимая и разжимая пальцы правой руки, произнес любимую присказку чиновник и, отхлебнув полуостывший кофе, вспомнил, что его просил зайти тайный советник Гумберт.

– Можете отправиться домой и отдохнуть сегодня. В департамент явитесь завтра. Начальство ваше будет извещено, – необычайно сухо отрезал Гумберт и уткнулся в стол.

«Домой, так домой», – мысленно повторил распоряжение тайного советника довольный, что, наконец, свободен Палицын. «Презанятные фуэте, однако ж, у нас вытанцовываются. Господин тайный советник определенно намеревался мне что-то сказать, а может, и поручить, но опосля передумал», – в большом недоумении Кондратий Матвеевич запахнулся в шинель и, застегнувшись на все пуговицы, вышел в коридор, где на него едва не налетела горничная.

– Отчего слезы, Дуняша? – отступив назад, с приторным участием спросил он.

– Ничего, это я так... – еще более покраснела девушка, и слезы градом покатались по ее смуглым щекам.

– Ну-ка, ну-ка, расскажи, кто тебя обидел?! – нарочито настаивал Палицын.

– У его сиятельства пропал пакет с какими-то важными бумагами, а господин Гумберт набросился на меня, будто я виноватая! Не я же замок им испортила, что дверь не затворить! – промокая платочком глаза, жаловалась Авдотья.

– А что за бумаги? Откуда пакет-то пропал? – сделал озабоченное лицо Кондратий Матвеевич.

– Из кабинета, из стола их, а что за бумаги – не ведаю. Гумберт сказывал, что преважные, – всхлипывала она.

– А дверь, стало быть, в кабинет его сиятельства теперь не затворяется, – протянул, думая о чем-то своем, Палицын.

– Сейчас Антип ее починяет.

– Антип?! – изумился он.

– Ну, да, Антип – столяр, с такими лохматыми бровями, – провела пальцем по тонкому изгибу собственных бровей горничная. – Как я слышала, он завсегда к нам, ежели что случается, приходит.

– Стало быть, он в кабинете замок починяет да его сиятельству шумом и присутствием своим премного докучает.

– Да не шумит он вовсе! И починяет не в кабинете, а в приемной. Дверь-то отворена настежь, а вход они портьерой занавесили. Сама видела.

– Ладно, ступай, вины твоей здесь нет, – в одночасье потеряв интерес к горничной, он двинулся к выходу.

Поток ледяного воздуха обдал ему лицо. Подняв воротник и не став брать извозчика, он прошел Зимней канавкой и, оказавшись через считанные минуты на набережной, позвонил в дверь парадного подъезда.

Пробыв в доме полчаса, он поймал пролетку и приказал вознице везти себя к Гостиному двору на Чернышев переулок. Потолкавшись в скобяной лавке и поговорив с приказчиком, он зашел в соседнюю, торговавшую холстами, красками и прочими «художественными» товарами. В ней Палицын задержался ненадолго. Забрав объемистый сверток, завернутый в запачканную сажей рогожу, который с большой осторожностью нес до ждавшего его извозчика, он добрался до дому. Предупрежденная запиской жена еще поутру отослала кухарку на рынок, и к приходу Кондратия Матвеевича был накрыт порядочный стол. Бульон с гренками, пироги

с рыбой, студень на говяжьих голяшках, жаркое из телятины, яблочный мусс и графин водки украсили раздвижной круглый стол в гостиной.

Несмотря на скромное жалованье чиновника 10 класса, семья Палицына не бедствовала, хотя и вовсе не роскошествовала, и могла позволить себе наем просторной пятикомнатной квартиры во дворе дома по Екатерининскому каналу против Казанского собора, а также содержание кухарки. Сын Палицыных был помещен в частный пансион и забирался домой на выходные и праздники.

Отдав должное обеду и приласкав жену, Кондратий Матвеевич уединился в кабинете. За запертой дверью лицо его приобрело насупленное выражение, он закурил папиросу, после чего занялся привезенным из лавки свертком. Переправленные контрабандой, в угольном трюме английского парохода, апрельские номера запрещенного в России «Колокола» заполнили письменный стол Палицына. Бегло пробежав глазами по газетным заголовкам, он вспомнил о письме, врученном ему в лавке, и принялся читать его с непреходящим вниманием. «Если Вы согласны, – писал Палицыну Герцен, – мы приобретем для Вас доходные североамериканские облигации, они нынче дают хороший процент, а на остаток перешлем вексель, который Вы без труда обменяете на наличные в банке. Средств для продолжения операций на бирже у Вас и без того предостаточно, однако надежные и верные бумаги, по мне, так всяко лучше неверной спекулятивной игры. Господин барон благодарит Вас за добытые сведения, хотя, *entre nous*¹⁹, он до сих пор недоумеваает, впрочем, как и Ваш покорный слуга, что заставило русское правительство пойти на подобную сделку. Может, стороны заключили некий дополнительный договор или же секретный протокол к присланному Вами договору, укрывшийся от Вашего взора? При случае, обратите настоятельнейшее внимание на подобный момент. Это весьма важно. Впрочем, будьте покойны. Никоим манером я не вменяю Вам сие в вину. Отдельное спасибо за сведения касательно режима пользования с Японией островом Сахалин и Курильской грядой, согласно заключенному в Петербурге соглашению. Информация о позиции русского правительства по Люксембургу также чрезвычайно ценна. Благодарственный чек Вы найдете в настоящем письме», – Палицын бережно взял в руки чек и, беззвучно шевеля губами, прочитал все, что на нем было написано.

Цифра в пять тысяч франков поначалу показалась ему значительной, однако поразмыслив, он решил, что достоин куда большего. «Апартаменты сменить не мешало б, да убраться с этого двора, пусть и не убогого колодца, а вполне себе большого, с деревьями на газонах, но все ж таки места сырого и темного», – он приоткрыл окно и еще раз убедился в своей правоте. Из-за холодной погоды дубы и липы пока не дали листья, трава едва зеленела, пепельно-серое небо закрывали набухшие свинцом тучи, погружая двор в тоскливую мрачность. «Хорошо бы переехать в квартиру с видом; к примеру такую, куда поместили посланника Стекля», – размышлял Палицын, вспомнив, как сегодня побывал там – в шикарной и светлой семикомнатной квартире на Екатерининском канале, выходящей окнами на Казанский собор и перспективу Невского проспекта.

«И что это давеча у нас приключилось? – он подумал о неожиданной перемене в настроении Гумберта, и его лицо приобрело выражение неприкрытой досады. – По какой, черт, причине он не стал со мной разговаривать, хотя еще накануне намеревался?» – у Палицына пересохли губы, и разлившаяся по физиономии желчь сменилась болезненным страхом.

Решив повременить с походом в банк, он взялся опять за письмо: «Ввиду исключительной важности Вашей нынешней работы, я не вправе подвергать Вас случайным опасностям, утруждая заботами „Колокола“. Если у Вас нет надежного человека, кто бы взял партию газеты целиком для ее последующего распространения, без промедлений сожгите полученные экземпляры. Как бы горько мне не было об том говорить, особенно, когда речь идет о собственном

¹⁹ Между нами (фр.)

детище, газету следует уничтожить, ибо Вы для нас несоизмеримо важней», – весьма пафосно завершал свое послание Герцен.

По правде говоря, пристраивать продукцию Вольной русской типографии, удаленной из Лондона, а потом и из Брюсселя по настоянию русского правительства, и, после долгих мытарств, осевшей теперь в Женеве, стало делом обременительным. Реализация шла со скрипом, и Палицын выдохнул, когда Герцен снял с его плеч столь тяжкую ношу. После покушения Каракозова и разгрома Ишутинского кружка революционное движение испытывало кризис, тогда как немногочисленные читатели «Колокола» среди студенческой разночинной молодежи находились под неусыпным наблюдением агентов Третьего отделения. А попадаться в лапы политической полиции графа Шувалова не входило в планы Кондратия Матвеевича. К тому же юные сердца завоевывали новые герои. Лавров, Чернышевский и набиравший популярность Маркс становились отныне кумирами и гуру нигилистов новой волны. Однако сжигать «Колокол» Кондратий Матвеевич даже и в мыслях не помышлял. Дружба с Герценом и его европейские связи были исключительно важны для него. Отложив письмо, он прочитал присланный номер от корки до корки, решив днями переговорить на предмет реализации газеты с одним человеком.

– Ужинать, когда накрывать, Кондраша? – постучалась к нему супруга.

– Мне надобно вскорости по делу съездить, а вот как приеду, тогда и отужинаем, – потрепал женину щеку Палицын и вновь повернул изнутри ключ.

Глава 6. Слуга двух господ

Выходя от вице-канцлера, Чаров столкнулся на лестнице со спешащей наверх Надин, одарившей его обольстительно загадочным взглядом. «Странно... еще нет и десяти утра, а она уже где-то побывала», – нахмутив брови, удивился Чаров. На площади он крикнул извозчика и погнал на Литейный. Он порядком припозднился и пообещал вознице щедрые чаевые, если тот спешно доставит его по назначению.

Прознавшие о его производстве коллеги довольно прохладно поздравили Сергея, попутно сообщив, что его хочет видеть начальство. «Наверняка, влетит за опоздание», – подумал Чаров, открывая дверь в кабинет прокурора. Тем не менее все обошлось. Его еще раз поздравили, на сей раз куда искренней, и, неожиданно-негаданно, предоставили краткосрочный отпуск.

– Извольте обновить вицмундир, Чаров! Негоже в старом на службу являться, – указав на петлицы титулярного советника, бросил на прощание окружной прокурор.

«А вот это уже занятно! Неужто князь Горчаков с неурочными вакациями пособил? Не в мундире же кроется истинная причина оных?» – приятно удивился Сергей, выбираясь из здания суда. Памятуя обещание Шувалову написать письмо герцогу, Чаров набросал его текст перед тем, как покинул суд. Он подумал заскочить на Фонтанку и немедленно вручить письмо графу, если, конечно, тот окажется на месте. Заметив карету шефа жандармов, стоявшую против Третьего отделения, Чаров отпустил извозчика и вошел в особняк. В сопровождении дежурившего в вестибюле жандармского офицера он поднялся в приемную, попросив находившегося в ней незнакомого ему адъютанта доложить о себе. Окинув недоверчиво придирчивым взглядом слишком уверенного в себе просителя, тот поспешил в кабинет начальника.

– Пройдите, его высокопревосходительство вас примет, – с милой улыбкой сообщил враз подобревший адъютант, отворяя дверь.

– Прекрасно, Чаров. Ваше послание попадет точно в яблочко, – с воодушевлением объявил Шувалов, вытаскивая пачку чистых конвертов из ящика величественного, в добрую треть стены, стола. – Извольте теперь подписать: «Его императорскому высочеству герцогу Николаю Лейхтенбергскому», – протягивая конверт, продиктовал граф. – А в письме укажите, лучше это сделать постскриптумом, что отправляете его оказией.

– Отправляю оказией с кем? Следует ли указать конкретное лицо?

– Не думаю, но буде пожелаете, додумайте сами. Впрочем, герцог не станет вникать в подобную ерунду. Он дьявольски влюблен и жаждет скорейшего воссоединения с Акинфиевой. Кстати, как вы ее нашли вчера на рауте?

– Ищущий да обрящет. Ежели кратко, я бы сей максимой охарактеризовал ее упорную, не боящуюся условностей света и нацеленную на результат натуру. Весьма живая, с тонким шармом, знает, чего хочет...

– Вот это вы точно подметили, – в нетерпении хмыкнул Шувалов.

– Сегодня, кстати, я мельком видел ее.

– Неужели? – неподдельно удивился граф.

– Поутру я обнаружил, что оставил у швейцара цилиндр. Решив заехать за ним, в вестибюле министерства я наткнулся на госпожу Акинфиеву уже откуда-то возвращающуюся. Не смею давать советы вашему высокопревосходительству, но наружное наблюдение за ней установить следовало бы. – О задании Горчакова он, естественно, умолчал.

– Может, вы и правы, – коснулся рукой упрямого лба Шувалов. – Мы подумаем о подобной мере.

– У меня созрела еще одна мысль, ваше высокопревосходительство. Я не писал о том в письме его высочеству, однако... – он на мгновение загнулся.

– Ну, говорите, говорите, что придумали? – в нетерпении торопил его граф.

– Во время экспедиции герцога на Урал истекшим летом, где я имел честь сопровождать его высочество, были открыты неизвестные дотолле минералы. Один из образцов находится у меня, ожидая занять достойное место в музее Горного института, который патронирует Николай Максимилианович. Полагаю, герцог будет польщен, если я передам ему оный камень, а он покажет минерал европейским ученым светилам, коих сейчас немало съехалось в Париж.

– Вы разумеете?! – заметно напряглось лицо шефа жандармов.

– Я попрошу госпожу Акинфиеву передать его герцогу. Сделаю, в известном роде, провокацию. Если она возьмет камень, ее намерения отправиться на выставку весьма основательны, если нет – она оставила подобные планы и замышляет нечто иное.

– Превосходная идея, Чаров, – искренне похвалил его Шувалов. – Однако не тяните, – предостерег он.

– Как придет ответ из Парижа, я немедля увижусь с мадам.

– А мы, как я вам вчера говорил, переправим ваше послание герцогу, дабы он его днями получил. И не забудьте привести мундир в соответствие с теперешним вашим чином! – вслед за окружным прокурором не преминул пожурить его за «титулярные» петлицы шеф жандармов.

Расставшись с графом, Сергей поспешил на выход, как был окликнут приземистым крепышом в штатском.

– Мерзликин! Яков Петрович! Неужели ты?! – широко улыбаясь, двинулся навстречу крепышу Чаров.

– Твоими молитвами, он самый, Сережа! – радостно отвечал Мерзликин, и они обнялись, как и подобает добрым приятелям.

– Стало быть, в высоких сферах теперь порхаешь, – опрокинув рюмку желудочной и закусив соленым груздем, умозаключил Яков Петрович, когда они переместились из стен Третьего отделения в более отвечающее настоящему случаю место.

Чаров на водку не налегал и, подзвав полового, спросил себе ломоть холодной буженины с хреном, шей и телячьих отбивных с гречневой кашей.

– Не то, что порхаю, а так, залетаю, когда позовут, – трезво оценив собственную значимость, правдиво ответил Сергей, принимаясь за еду.

– Как и сегодня?

– Именно так.

– Стало быть, филер тебе позарез нужен? – кладя на тарелку солидный кусок кулебяки, повторил его просьбу Мерзликин.

– И желательно сегодня, Яков.

– По гроб жизни будешь мне обязан, – отправил в рот сочащийся шмат Яков Петрович.

Обнадеженный Чаров радостно закивал, убедительно подтверждая, что полностью разделяет его мнение.

– Вечером пришлю тебе толкового человечка, а ты уж сам ему личность, за кем он ходить будет, обрисуешь, – запил водкой кулебяку Мерзликин.

На том и порешили. Уплатив за обед, приятели распрощались. Мерзликина ожидала служба, Сергея – расследование на Дворцовой.

В кабинете Горчакова он нашел подписанные замки, кои аккуратно извлек из ящиков все еще пыхтевший возле входной двери столяр. Замок от нее оказался безнадежно испорчен, и столяру, мужику неторопливому и во всех отношениях обстоятельному, пришлось прогуляться в скобяную лавку за новым. Осмотрев замковые ложа, Чаров заметил царапины на каждом из них, но больше всего пострадал замок срединного ящика, где хранились особо важные

бумаги, как то тайные договоры с иностранными государствами, секретные предписания российским посланникам за границей, сочиненные вице-канцлером, и расшифрованные ответы на них, а также проекты будущих соглашений. «Пользовались отмычкой или грубо подогнанным ключом», – определил причину царапин Чаров, как его взгляд упал на сломанный замок от входной двери министерского кабинета, сиротливо лежавший у ног Антипа.

В эту минуту в комнату стремительно вошел Горчаков, очевидно, предупрежденный о возвращении Сергея.

– Вы не припомните, ваше высокопревосходительство, когда сломался у вас замок? – указывая на дверь, поинтересовался он.

– Дня три тому назад. Надо спросить у Гумберта, – в нервном недоумении потер нос министр. – Еще на Страстной неделе ключ стал не вполне хорошо поворачиваться, приходилось с усилием надавливать на него. Андрей Федорович даже смазывал пару раз замок, но, увы, напрасно. А опосля механизм и вовсе вышел из строя.

– А допреж ключ поворачивался легко?

– Весьма. Никаких злоклучений с ним не припомню.

«Стало быть, кто-то испортил замок, отпирая его, как и замки письменного стола, не вполне годным ключом, а скорее, отмычкой, но в этом еще следует убедиться» – подумал Чаров и попросил столяра разобрать замок. Под пристальным взглядом Горчакова тот нехотя согласился. Как заправский слесарь, он в две минуты вскрыл корпус замка и разложил на столе у секретаря его отдельные части. Многочисленные царапины и заусеницы, обнаруженные в механизме, подтвердили догадку судебного следователя.

– Кстати, вот список лиц, кои были вчера на рауте, а также находились в министерстве сегодня утром на момент обнаружения пропажи. Отличаясь невероятной, я бы сказал, навязчивой, скрупулезностью, господин Гумберт поместил в него меня и себя. Редкий педант, доложу я вам, – князь покачал головой и впервые улыбнулся. – Памятуя вчерашний раут, позволил ему к обеду прийти, а он, едино, с утра с на службу явился, – размышляя вслух, протянул ему бумагу министр.

– Премного благодарен, ваше высокопревосходительство, – отчеканил Сергей и собрался уж уходить, но князь задержал его.

– Не забудьте вдругорядь свой цилиндр, – кивнул на стоявший, на углу стола футляр вице-канцлер. – А это вам от нас с Андреем Федоровичем презент, господин старший следователь, – провозгласил князь, протягивая Сергею комплект новехоньких коллеж-ассессорских петлиц.

– Такая внимательность. Весьма тронут. Даже не знаю, как выразить свою признательность вам... – искренне растрогался Чаров.

– Наилучшим ответом станет найденный вами пакет, Сергей Павлович, – оценив душевное состояние молодого человека, неожиданно тепло и впервые по имени отчеству обратился к нему Горчаков.

Когда карета министра, любезно одолженная Чарову князем, подъезжала к его дому на 7-й линии, присланный Мерзликиным филер – плотного сложения мальчик лет тридцати, уже поджидал его.

– Поднимемся ко мне, – на этот раз своим ключом Сергей открыл дверь в воротах, и они зашли во двор.

Слуга Прохор не выразил удивления, увидав рядом с барином незнакомого человека, и, равнодушно приняв от него шинель, футляр и фуражку, убрался на кухню собирать ужин. Агент, не пожелав расставаться с пальто, с котелком в руке последовал в комнаты за Сергеем.

– Я тут побаловался художеством и набросал портрет особы, за кем вам предстоит походить, господин Шнырь (именно так отрекомендовался ему филер), – Чаров отдал ему изоб-

ражение Акинфиевой, кстати сказать, весьма правдоподобное. Живописные уроки Антакольского явно не прошли для него даром.

– Когда прикажете приступить? – острым взглядом Шнырь окинул портрет перед тем, как вернуть его автору.

– Завтра, и, хорошо бы, с самого утра, – Чаров был впечатлен зрительной памятью тайного агента.

– Ежели на Дворцовую прибуду часиков эдак в семь, устроит?

– Даже, думаю, раненко будет. Главное, чтоб наша дама не срисовала вашу персону.

– Обижаете, Сергей Павлович. Я службу без всяких там яких знаю. Не впервой делами такими занимаюсь. В дождь и в снег; в жару и в стужу доводилось за разным народом ходить, да часами их благородия на улицах караулить. Уж прознал за десяток лет все ее курьезы и премудрости, и не припомню такового конфуза, чтоб меня, как вы изволили выразиться, срисовали. Да и господин Мерзликин завсегда мною довольны были, – объяснил, что не лыком шит Шнырь.

– Прошу меня извинить. Не подумал, – примирительно бросил Сергей.

– С отчетом, прикажете сюды приехать?

– Сюда, сюда! – закивал головой Чаров в горячей поспешности. Одна мысль о перспективе встречи с подобным типом на глазах кого-либо из знакомых внушала ему неприязнь.

– В таком разе позвольте откланяться. Завтра ввечеру, часиков эдак..., – прикинул время Шнырь, – в девять, а может, и попозжее прибуду к вашему высокоблагородию, – кивнул напоследок агент и вышел на лестницу.

Оставшись наедине, Чаров достал из кармана список Гумберта и предался размышлениям. Крикнув Прохору, чтоб повременил с ужином, он занялся петлицами. Плотный обед в трактире с Мерзликиным не позволил ему проголодаться.

Пройдясь по громким фамилиям и титулам списка, он исключил из него иностранных дипломатов, высших чиновников и прочих официальных и приближенных ко двору лиц, бывавших на Дворцовой лишь по случаю, и обратил внимание на две скромные персоны – Кондратия Палицына и Надежды Акинфиевой. Палицын подпадал под подозрение по факту нахождения в министерстве из-за своей неурочной работы, а у Акинфиевой налицо был мотив – шантажировать вице-канцлера украденным пакетом с целью получения от него иностранного паспорта для выезда за границу. Столяра Михеева, горничную Авдотью, швейцара и прочих слуг, как самостоятельных фигур, он в расчет не брал и добавил их к первым двум из соображений возможного соучастия. Если с Акинфиевой он успел познакомиться и составил о ней определенное мнение, (в отношении нее он также полагался на профессионализм Шныря), то личность коллежского секретаря и делопроизводителя Азиатского департамента оставалась для него загадкой. Характеристика, данная в превосходных тонах Палицыну Гумбертом, не могла удовлетворить Сергея Павловича, и он решил завтра же повидать его.

Глава 7. Убийство столяра

Идя по Дворцовой, куда его довезла утренняя конка²⁰, Чаров приметил знакомую карету. Когда дверь экипажа отворилась, по брусчатке площади по направлению к подъезду МИДа торопливо застучали каблучки-рюмочки.

«Мадам Акинфиева опять откуда-то возвращается! – в очередной раз изумился Сергей и сверился с брегетом. Часы показывали ровно десять. – А где, любопытно, господин Шнырь затаился?» – он обвел взглядом площадь, но агента не обнаружил. Только подойдя к дверям министерства, заметил скользившую вдоль стены фигуру. Поняв, что опознан, Шнырь с невозмутимым видом перешел на обычный шаг. «А он ведь вчера не бахвалился, службу свою знает!» – с уважением подумал о филере Чаров и, подмигнув тайному агенту, вошел в распахнутую швейцаром дверь. Не став уведомлять о своем приходе Гумберта, он направился в Азиатский департамент.

Предлог, чтобы там появиться, он придумал загодя – перевести поясняющую надпись к японскому средневековому свитку с изображением самурая в доспехе. Чтобы спектакль состоялся, Сергей упросил настоящего владельца раритета, своего давнего приятеля Несвицкого, предоставить ему ценную реликвию на пару часов. Появление Чарова со свитком в руке произвело должный эффект в департаменте, и единственно сведущий в японском языке чиновник, бывший на тот момент налицо, был вызван для перевода. Нетрудно догадаться, кто им оказался.

– Ох, уважили, месье Палицын! Блестящая работа! Я – ваш должник, – бессовестно хвалил довольно заурядный перевод Сергей, аккуратно сматывая свиток и широко улыбаясь.

– Не стоит благодарности, господин Чаров. Мне, наоборот, было даже весьма интересно соприкоснуться наяву с подлинным японским искусством, – отвечал польщенный чиновник, беспрестанно поглаживая перстень на мизинце левой руки.

– И с каким таким подлинным японским искусством вы изволили соприкоснуться, господин Палицын? – директор Азиатского департамента Стремоухов появился неожиданно и успел услышать последнюю реплику Кондратия Матвеевича.

– Тому виной этот старинный манускрипт и покорный слуга вашего превосходительства, – не замедлил прийти на помощь растерявшемуся Палицыну Сергей. – Коллежский ассесор Чаров, служу по юридической части, – представился он, развертывая свиток обратно. – Осмелился потревожить господина Палицына на предмет неизвестного мне текста, помещенного здесь, – он указал на выведенные черным цветом иероглифы.

– Надеюсь, мой сотрудник справился? – вглядываясь в свиток с интересом профессионала, пробормотал Стремоухов. – Прекрасная вещь! Откуда она у вас?

– Покойный дед мой был большим любителем восточных редкостей, а сотрудник ваш, господин Палицын, справился с переводом превосходно, – не стесняясь, он тасовал факты, как карточную колоду.

– Что ж, значит не зря здесь служить изволит, – улыбнулся молодым людям тайный советник и вышел из департамента.

Проболтав после ухода начальства битых полчаса, они расстались друзьями, и Чаров взял слово с Палицына, непременно с ним отобедать. «М-да... а он ведь не прост, правда, тушуетесь чрез меру. Или прикидывается для отвода глаз. Однако правильно, что я повременил с вопросами – повод еще представится».

²⁰ Маршрут конки, которой пользовался Чаров, проходил по 6-й линии Васильевского острова, далее шел по Конногвардейскому бульвару и заканчивался на Адмиралтейской площади.

Перед кабинетом князя сновали чиновничьи вицмундиры, разноцветные визитные карточки наполнили стоявший на столе у секретаря поднос, и Чаров решил не беспокоить министра, как энергичным взмахом руки тот дал понять, что его ожидают.

– А-а-а, месье Чаров, Сергей Павлович! Вы, как всегда, кстати! Только что заезжал господин Стекло, наш американский посланник. Он хотел получить контрастированную ратификационную грамоту, дабы немедля отправиться в Вашингтон. Мне, вернее, тайному советнику Гумберту, – поправился Горчаков, – пришлось лгать и изворачиваться. Коли к понедельнику вы не отыщите пакета, всплывет крайне неприглядная правда, поскольку я буду вынужден сообщить о пропаже и, возможно, – многозначительно замолк он, – просить у государя отставки. Разумеется, моя личная судьба – это мое дело, однако дипломатический скандал, я уж говорил вам об том, осложнит и без того наши непростые отношения с Англией.

– Разделяю тревоги вашего высокопревосходительства, однако ж смею напомнить, что расследование началось лишь вчера. К тому же у меня связаны руки, ибо, следуя вашему указанию, в интересах приватности, я не могу открыто и, не таясь, допросить подпадающих под подозрение лиц. Окромя того...

– Я превосходно помню, когда и что началось, и даю отчет, в какие условия вы, милостивый государь, мною поставлены, – в нервном возбуждении и совсем недипломатично оборвал его князь. – Я только прошу учесть упомянутые мною виды.

– Уже принял их к сведению, ваше высокопревосходительство, – по-военному, четко и отрывисто, отчеканил судебный следователь.

– Надо было принять совет Гумберта и немедля передать пакет тому чиновнику, что с работой на ночь оставался. Отвез бы он его вчерась Стекло, и беды б мы не знали. Да что теперь говорить! – обреченно отмахнулся князь. – Кстати, что за подозреваемые? – вдруг оживился министр.

– Покамест не готов назвать их имен, – твердо парировал Сергей.

– Ваше право, – сумрачно протянул Горчаков. – Не знаю, поможет ли сей прискорбный факт расследованию, но столяр Михеев, что ладил вчерась замок, скончался, Царствие ему Небесное, – осенил себя крестным знаменем князь. – Подробности у Андрея Федоровича. И вообще, – он взял наставительный тон, – по всем возникающим у вас вопросам сноситься с тайным советником без всяких церемоний. – «Меня же оставьте в покое», – примерно так хотел окончить фразу министр, но вовремя спохватился.

– Сегодня утром я послал за Михеевым, потому как он обещался прийти обтесать дверь в ванной комнате, но так и не объявился, а это не в его характере, – Гумберт смущенно развел руками. – Вернувшийся от него нарочный принес печальную весть – столяра зарезали поблизости от его дома у Кокушкина моста. Тело обнаружил вышедший на уборку панели дворник, он же и свистнул городского.

– Стало быть, его убили вчера..., – задумчиво протянул Чаров и, поблагодарив тайного советника, поспешил на место преступления.

Уведомив о себе отгонявшего любопытствующих зевак квартального, он осмотрел укрытое простыней тело. Труп лежал ничком поперек темной подворотни перед самыми воротами, где открывавшаяся внутрь калитка была распахнута настежь, дабы больше дать идущего со двора света. Руки покойника были распростерты в стороны, голова пробита, сквозь сгустки почерневшей крови проглядывались мозг и осколки черепных костей, сапог на убитом не было. «Не иначе, как по затылку били» – предположил он, после чего приказал торчавшему возле трупа городскому задрать на спине убитого кафтан и рубаху. Колото-резаная рана под левой лопаткой, безусловно, была смертельной. «Убийца подобрался сзади, когда столяр отпирал калитку, и нанес сильный удар топором, а потом, будучи неуверенным в темноте, что Михеев мертв, воткнул финку в уже бездыханное тело», – мысленно нарисовал картину преступления Чаров.

Закончив с трупом и перекинувшись парой слов с прибывшим задолго до него чином сыскальной полиции, он обратил внимание на кухмистерскую, занявшую длинный полуподвал против самого Кокушкина моста. В заведении прознали о случившемся, и обслуживавший посетителей половой поделился наблюдениями с Чаровым. Память служителю общепита помог освежить перекочевавший в карман его фартука полтинник.

– Антип, то бишь Михеев пришед вчера с, часу в осьмом. И был он, видно с, в настроении, заказал полный обед и, что преудивительно, вина с бутылку.

– Он, стало быть, до питейных удовольствий был не большой охотник?

– Не большой, сударь, не большой, хоть и жил бобылем с, – с готовностью потряс сальными вихрами половой, – но вот вчера с красного себе испросил с.

– Так говоришь, он был один? – Чаров чувствовал, что половому есть что сказать ему.

– В том то и дело с, что оден, да не оден. По началу с, когда пришед, оден был, но как вина с я ему поставил, оден человек, совсем мне незнакомый, одет чисто, полагаю с, из благородных, к нему за стол раз, и присед. К нам такие птицы с не залетают, – он совершил круговое движение рукой.

Чарову бросилась в глаза неприятная убогость заведения. Тянувшийся с кухни чадный запах и бившая в нос застоялая прокуренность зала встречали всякого, кто переступал порог кухмистерской, после чего осязательное восприятие замещалось визуальным. Взор упирался в дощатый, с облупившейся краской, пол, затем поднимался к закопченному потолку в клочьях порванной и свисавшей лохмотьями паутины. Далее он безотчетно скользил по разрисованным отвратительной мазней стенам, изображение на которых не поддавалось постижению из-за тусклого света керосиновых ламп. На столах, укрытых посережними скатерками, мерцали свечи и ползали мухи. Звук нещадно скрипевших стульев под ногами немногочисленных, ввиду неурочного часа, завсегдатаев дополнял неприглядную картину.

– Описать как выглядел тот благородный гусь, сможешь? – второй полтинник не замедлил упасть в бездонный карман полового.

– Отчего с не смогу с, смогу с, да с превеликим удовольствием с, – по мере утяжеления кармана, количество словоерсов в его речи неуклонно росло. – Росту вполне себе обыкновенного с, усы щеточкой, волосы зачесаны, но видно с, что плешив малость. Да, чуть не запомнил, на мизинце кольцо с, перстенок с такой с черным камнем надет у них был с.

– На каком мизинце – левом, али правом? – от волнения у Сергея пересохло в горле.

– На левом с, точно, на левом с, – немного подумав, уверенно заявил половой. – Они, то и дело с, потирали его правой рукой с. Будто жало оно им, что ли с.

– В руках у того господина что-то было? Портфель там, какой или вещь, может?

– Не припомню с, – сконфуженно отвечал мальй. Уходили с они по отдельности, а посему, ежели с при благородном какой предмет и был с, я бы точно с заметил. Вот ящик с инструментом при Антипе был с, он его завсегда с при себе держит, с ним он и ушел.

– Стало быть, Михеев ушел последним?

– Точно с, последним.

– И более к нему никто не подсаживался?

– Вроде, как никто с. Правда, меня тогда с хозяин наш позвал насчет того благородного с, кто он будет, интересовались.

– Ну, а говорили они о чем, не слыхал?

– Даже б ежели с хотел, едино не услышал с. У нас по вечерам с такой гам стоит с, что хоть уши затыкай с, – простодушно признался он.

– Коли что еще вспомнишь, приходи, не обижу, – записал на услужливо протянутом листке свой адрес Чаров и, поднявшись по щербатым, оббитым по краям ступеням, направился к дворнику.

На его удивление, инструмента, как и самого ящика, при убитом обнаружено не было, зато ни один из бывших при нем ключей не подходил для замка к калитке, возле которой лежало тело. Дальнейшие розыски ящика с инструментом результата не дали. Не оказалось его и в квартире по Столярному переулку, где проживал Михеев. Это обстоятельство изрядно смутило Чарова и подсказало полицейскому следователю мотив преступления. Не став брать под сомнение компетентность полиции и глазеть, как погружают труп на телегу, дабы везти тело в мертвецкую и освободить, наконец, проход к воротам, он вернулся на Дворцовую. Однако перед этим ему пришлось заскочить на Николаевскую набережную и отдать драгоценный свиток владельцу. Князь Несвицкий весьма дорожил им и просил Сергея не опаздывать с возвратом раритета.

Глава 8. Зондаж Палицына

– Все ж таки, позвольте пригласить вас отобедать. Могу зайти за вами, скажем, – щегольнул он брегетом, – через четверть часа.

– Коли вы настаиваете... – растерянно заморгал Палицын.

– Настаиваю, дражайший Кондратий Матвеевич, настаиваю, – Сергей был непреклонен.

По обоюдному согласию новоявленные приятели решили прогуляться, благо погода позволяла. Серая хмарь утра рассеялась, выглянуло солнышко, вечер обещал быть безветренным. Миновав Певческий мост, они вышли на Мойку и, пройдя набережной, свернули на Невский. Поравнявшись с рестораном Доминик, они зашли внутрь.

– Значит, по юридической части служить изволите? – осведомился разогретый Спотыкачом Палицын, когда официант принес горячее.

– Точнее, по следственной. В Окружном суде штаны просиживаю, – не стал скрывать свое место службы Чаров, отдавая щедрую дань соленым рыжикам, мелко нарезанным на тарелке и поданным под провансальским маслом.

– И как служится?

– Помаленьку, Кондратий Матвеевич, помаленьку, – с философской задумчивостью проронил он, пригубив Ерофеича. – Скажем, сегодня, мы с вами познакомились, а через час я уж на убийстве побывал.

– Пренеприятная комиссия! – посочувствовал ему Палицын, с сосредоточенным видом, расправляясь с говядиной.

– Такова служба, ничего не попишешь.

– И кого убили, позвольте полюбопытствовать? – с деланным интересом спросил он.

– Да мастерового одного, – с равнодушным видом бросил Сергей. – Завтра в полицейской хронике «Ведомостей»²¹ заметка о том будет.

– Мастерового?! – перестал жевать Палицын.

– Столяра. Причем живущего, вернее, до вчерашнего вечера жившего, не где-нибудь, а, будете смеяться, по Столярному переулку. Жил-был столяр во Столярном, да и помер он во Столярном, – неуклюже скаламбурил Чаров, исподволь наблюдая за сотрапезником.

– Что-то жарко стало, – обтер салфеткой вспотевший лоб Палицын и, схватившись за приборы, уткнулся в опустошенную минутой назад тарелку. На его счастье, подоспел официант с вареными раками, водрузивший наполненное ими блюдо перед носом Кондратия Матвеевича.

– Пиво холодный или комнатный температур, господин, принести? – услужливо кланялся он.

– Холодное, да поживей, татарская²² рожа, – дал волю раздражению делопроизводитель МИДа. – И что? – вопросительно воззрился он на Чарова.

– В каком смысле «что»? Извольте выразиться яснее!

– Я имел сказать, э-э-э... убийцу нашли, что свидетели говорят? – сбивчиво уточнил он.

– Свидетелей опрашивает следователь сыскной полиции, а вот мотив преступления мне не ясен.

– Может, деньги или ценные вещицы при нем имелись на момент э-э-э... совершения злодеяния?

– В том-то и загвоздка, что деньги и ключи при нем остались. Одно только странно... – сделал паузу Сергей и выразительно глянул на собеседника.

²¹ Ежедневная газета Ведомости С-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции.

²² По заведенному порядку в Доминике гостей обслуживали официанты татары.

– И что? – без зазрения совести лез в тайны следствия Кондратий Матвеевич.

– Исчез бывший при столяре ящик с инструментом, а также, что весьма загадочно, ключи, бывшие при покойном, совершенно не подошли к воротной двери, кою он пытался безуспешно отпереть и перед которой его убили.

– Ящик с инструментом? Ключи? – нервно моргая и едва поспевая за мыслью собеседника, машинально повторил Палицын.

– Я опросил полового из кухмистерской, куда часто заглядывал покойный. Заходил он туда, кстати, и перед смертью. Так вот, половой показал, что видел при столяре оный ящик.

– И?.. – кровь отхлынула от его лица

– Опять вы за старое, Кондратий Матвеевич! Прямее мысли свои излагайте! Небось, у себя в Департаменте приучились загогулины хитроумные в дипломатических нотах выписывать, дабы их истинный смысл сокрыть, – сделал лукавую мину, погрозил ему пальцем Чаров.

– Я э-э-э... желал узнать, отчего вы сказали «странно», когда упомянули, касательно инструмента?

– Да потому, как едва ли подобный предмет мог послужить первопричиной, мотивом убийства. Тут собака в другом месте зарыта. Столяра не за инструмент убили.

– Полагаете, причина в ключах, кои к воротной калитке не подошли?

– Убежден. Бывшие при нем ключи, как и должно, оказались от занимаемой им квартиры. Получается, столяр пытался отпереть дверь заведомо не годившимся ключом, иными словами, отпереть своим ключом чужой замок, что совершенно против логики.

– Стало быть... – заметно чаще заморгал Кондратий Матвеевич.

– Стало быть, кто-то попросил помочь ему отпереть дверь в той подворотне. И когда Антип возился с замком, засадил ему топором по темечку, а после, для верности, ножом под лопатку ударил. Тем паче, половой показал, что вчера вечером Михеев, так звали мастера-вого, – невзначай метнул изучающий взгляд в Палицына он, – был в кухмистерской не один, а с каким-то человеком из благородных. Вот кого искать надо!

– М-да... может, вы и правы, – ерзяя на стуле, неопределенно протянул делопроизводитель МИДа.

Далее разговор не заладился. Основательно хлебнув пива и закусив раками, Кондратий Матвеевич засобирился домой. Чаров не стал его удерживать. Условившись днями встретиться накоротке, они распрощались.

«А провокация удалась! Ишь, как засуетился! Чутка прижать, и он мне все, как на духу, выложит. Ну не должен человек так мельтешить, коли совесть у него чиста. Даже до кофея с ликером не досидел. И какие у него обстоятельства вдруг образовались?» – провожая взглядом спешившего на выход Палицына, самодовольно усмехался Чаров, завороченно любуясь пламенем камина.

– Девятый час, однако, пора и честь знать, – он подзвал официанта и, уплатив по счету, вышел из ресторации.

Глава 9. Дядюшкины советы

Объятый вечерней зарей золотой купол Казанского собора плыл в облаках. Ветер стих, не избалованная погожими днями столичная публика высыпала на Невский и, чинно прогуливаясь по проспекту, заглядывалась на вывески и витрины. Поддавшись царившему настроению праздности и довольства, Сергей двинулся в сторону Полицейского моста, решив прогуляться до Адмиралтейской площади, а уж там взять конку. Окидывая проходящий люд равнодушно спокойным взором, его внимание привлекла пара молодых людей, смазливых и юных, с набеленными тонкими лицами и невинно улыбающимися глазами, стоявших по разные стороны газового фонаря. Одна из запряженных гнедой двойкой бричка остановилась, и сидевший в ней рыжеусый господин весьма респектабельного вида, поманил одного из юнцов. Через минуту бричка тронулась, только везла теперь двух пассажиров. «Господину в сюртуке и цилиндре, небось, приспичило заехать под хвост шелковому мальчонке, иль может, все будет наоборот? Поди, разбери, кто из них *бугр*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.